

Lew Trachtenberg
Uniwersytet Moskiewski

**ПАРОДИЙНЫЕ РЕЦЕПТЫ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XVIII ВЕКОВ:
ОТ ЛЕЧЕБНИКА НА ИНОЗЕМЦЕВ
ДО «САТИРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»**

**Parodic Recipes in Russian 17th- and 18th-century Literature:
from *The Recipe Book for Foreigners* to «The Satirical Herald»**

ABSTRACT: The paper deals with several parodies representing two stages of Russian literary history. «The Recipe Book for Foreigners» belongs to the tradition of manuscript parody dating back to the 17th century. In the 18th century parodic recipes appear in Russian satirical magazines: «The Drone» by N.I. Novikov and «The Satirical Herald» by N.I. Strakhov. The paper demonstrates the conceptual difference between these versions of the genre. «The Recipe Book for Foreigners» is an example of literary nonsense deeply rooted in folklore, which fascinates the reader with semantic contrast. Novikov's parodies are clearly moralistic, as Enlightenment ideology would suggest. Strakhov continues the moralistic tradition but also widens the semantic scope of the genre, using it as a tool of literary criticism.

KEYWORDS: parody, literary nonsense, the Enlightenment, satirical magazines, didacticism

Форма пародийного рецепта знакома русской литературе уже в XVII веке. В это время, как предполагается, создан *Лечебник на иноземцев* – один из памятников рукописной пародийной словесности, наряду со *Службой кабаку*, *Калязинской челобитной*, *Росписью приданого* и др. (наиболее ранний список пародийного *Лечебника*... датируется Петровской эпохой)¹. Впоследствии

¹ В.П. Адрианова-Перетц, *Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века*, Москва-Ленинград 1937, с. 241; *Русская демократическая сатира XVII века*. Подг.

к этому жанру обращаются издатели сатирических журналов. Цикл *Рецепты* помещает Н.И. Новиков в журнале «Трутень» (1769–1770), а Н.И. Страхов публикует ряд пародийных рецептов в журнале «Сатирический вестник» (1790–1792). Сходство пародийных рецептов Новикова и Страхова с *Лечебником на иноземцев* отмечают В.П. Адрианова-Перетц и Л.В. Крестова². При очевидной близости формы, однако, приемы создания пародийного текста в этих произведениях различаются, не совпадают и их функции.

Лечебник на иноземцев, как впоследствии пародийные рецепты Новикова и Страхова, реализует циклический принцип композиции. Он включает десять пародийных рецептов, распадающихся на две группы: в первой – шесть рецептов, во второй – четыре. Рецепты первой группы больше по объему, второй – меньше; рецепты первой группы воспроизводят базовую структурную модель, использовавшуюся в подлинных русских лечебниках XVII века (как и в средневековых западноевропейских³), второй – как будет показано далее, отступают от нее.

Рецепты подлинных лечебников, послужившие образцами для пародии, включают четыре элемента (такова общая схема, в ее частных реализациях некоторые элементы могут отсутствовать): это название, указывающее на болезнь, которую требуется лечить, перечень составных частей лекарства, способ его приготовления и применения. Вот, например, один из рецептов *Реестра из дохтурских наук* Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского (1696):

Состав на затмение очей. Взять соку лукового ложку, нашатырю толченого золотник, и смешав вместе, и впускать в очи почаству, и будет зрак светел⁴.

Перечни ингредиентов и действий, которые с ними нужно совершить, могут быть намного длиннее, как в следующем примере из того же *Реестра*...:

текстов, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц, Москва-Ленинград 1954, с. 281; Н.В. Поньрко, *Лечебник на иноземцев. [Комментарий]*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 16: XVII век, Санкт-Петербург 2010, с. 644.

² В.П. Адрианова-Перетц, *Очерки по истории...*, с. 245–246; *Русская демократическая сатира XVII века*, с. 283; Л.В. Крестова, *Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н.И. Новикова («Трутень», «Живописец»)*, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР*, т. 14, Москва-Ленинград 1958, с. 489–490.

³ R. Carroll, *Middle English Recipes: Vernacularisation of a Text-Type*, [in:] *Medical and Scientific Writing in Late Medieval English*. Ed. by I. Taavitsainen, P. Pahta, Cambridge 2004, p. 179.

⁴ *Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия В.М. Флоринского*, Казань 1879, с. 224.

Бальсам апоплетиковой.

Взять 4 золотника моха мушкатного, русского воску 1½ золотника, бумаги жженой, столки чтобы черно было, мелко, а воск растопить вместе, и к нему всыпать мскусу толченого ползолотника, 20 капель масла коричневого, гвоздишного, ентарного по 8 капель; левандового, розмаринового по 20 капель; мятного и кропового по 5 капель, и то все смешай вместе на полном жару, – будет бальсам⁵.

Пародийный *Лечебник на иноземцев* воспроизводит эти композиционные образцы. Название рецепта, указывающее на болезнь, сохраняя небольшой объем, лишено образности, хотя и небезразлично для художественной структуры текста: «Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойныя статьи», «Крепительные порошки», «Им же от запора» и т. д.⁶ (обращение к мотивам «материально-телесного низа», как обозначает их М.М. Бахтин⁷, в подлинных лечебниках естественное, в пародийном контексте должно, очевидно, усиливать комический эффект). Однако следующие части рецепта трансформируются; контраст привычных для читателя названий и необычного продолжения – один из факторов эстетического воздействия. На место подлинных веществ, из которых готовятся лекарства, и лечебных действий в пародийном рецепте ставятся вымышленные:

1. Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойныя статьи:

Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников, а принимать то все по 3 дни не етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть 3 дни на морозе нагому, покрывшись от солнечнаго жаркаго луча неводными мережными крылами в однорядь. А выпотев, велеть себя вытереть самым сухим дубовым четвертным платом, покамест от того плата все тело будет красно и от сердца болезнь и от утробы теснота отидет и будет здрав⁸.

Находящийся в начальной части рецепта перечень ингредиентов, как и пародийный *Лечебник*... в целом, реализует кумулятивный принцип композиции, но уже не на макро-, а на микроуровне: это ряд элементов, однотипных как

⁵ Там же, с. 214.

⁶ Там же, с. 121–122.

⁷ М.М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 4 (2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложение, Москва 2010, с. 29–34, 91–94, 395–466 и др.

⁸ *Русская демократическая сатира XVII века*, с. 121.

в структурном, так и в семантическом отношении, причем сходство заметно и в следующих рецептах первой части текста. Их структура предопределена пародируемым жанром: количественно-именное сочетание, указывающее на вес вещества, подчиняет его название. Единообразию подчеркнута порядком слов с постпозицией количественно-именного сочетания, в то время как в подлинном лечебнике, как видно из приведенного примера, оно может находиться и в препозиции. Эффект единообразия усилен тем, что в данном примере каждое из имен существительных – названий «веществ» имеет при себе по два прилагательных – определения, что в подлинном лечебнике, разумеется, необязательно. Так создается своеобразный синтаксический ритм, который становится опорой эстетического впечатления.

Но основной источник художественного воздействия текста – его семантика. Там, где в подлинном лечебнике употреблены вещественные имена, в пародийном – абстрактные, в основном отглагольные существительные – *nomina actionis*: «стук», «топ», «скрип», в следующих рецептах – «рык», «летанье», «ворчанье», «визг», «ступанье», «плясание» и др.⁹. Пародийный контекст заставляет читателя почувствовать контраст между абстрактной сущностью, которую выражают эти слова, и предметным значением имени существительного как части речи¹⁰, – контраст, в ситуации нормального функционирования языка неощутимый. Это противоречие между значением слова и семантикой контекста дополняется другим: присоединение качественных характеристик к абстрактному имени («белого стуку», «светлаго <...> скрипу») порождает *contradictio in adjecto*.

Повторяясь неоднократно, эта модель становится композиционным ядром пародийного *Лечебника*.... Контрастируя с ней, в его состав входят и другие элементы, реализующие иные типы семантических противоречий. Это, прежде всего, названия ингредиентов, занимающие ту же позицию в структуре рецепта, но организованные по другим семантическим образцам: «самых тучных куричьих титек, иногда пол 3 золотника», «сухой толченой воды 6 золотников»¹¹. Это, далее, следующие компоненты рецептов – описания способов приготовления лекарств и лечения: «потеть 3 дни на морозе нагому»¹²,

⁹ Там же, с. 121–122.

¹⁰ В концепции Г.А. Золотовой этот феномен описывается с помощью понятия изосемичности: слово изосемично, если его значение совпадает с категориальным значением той части речи, к которой оно принадлежит (для имен существительных – предмет, для глаголов – действие и т. п.), и неизосемично – если не совпадает (таковы, например, все абстрактные имена существительные). См.: Г.А. Золотова, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва 1982, с. 126 сл.

¹¹ *Русская демократическая сатира XVII века*, с. 122.

¹² Там же, с. 121.

«яйцо вшить в япанчу и истолочь намелко, и выбить ентарного масла от жерновнаго камени 5 золотников»¹³. Это, наконец, рецепты второй части *Лечебника*..., отступающие от базового композиционного типа. Например, рифма и антитеза в седьмом рецепте напоминают пословицы:

7. Последующая лечба:

Есть и пить довольно, чего у кого привольно, сколь душа примет, кому не умереть – немедленно живота избавит¹⁴,

а в десятом предлагается произнести заговор (в подлинных лечебниках заговоры нередки):

10. А буде болят ноги, взять ис под саней полоз, варить в соломяном сусле трой сутки и тем немецкие ноги парить и приговаривать слова: как таскались санныя полозье, так же бы таскались немецкия ноги¹⁵.

Шаг за шагом отступая от центральной, чаще всего повторяющейся в пародийном *Лечебнике*... модели – замены вещественного имени абстрактным, эти приемы приобретают эстетическую ощутимость благодаря ее существованию. Сама же эта модель становится возможной благодаря своему образцу – структуре, используемой для обозначения ингредиента в подлинном лечебнике. Этой структуре присущи краткость, простота, повторяемость, устойчивость как грамматической конструкции, так и семантических отношений между ее элементами – своего рода механистичность, преодоление которой в семантическом контрасте позволяет создать художественное впечатление.

Эстетика *Лечебника на иноземцев* – это эстетика абсурда, где значимым становится отсутствие смысла, а точнее, его планомерное разрушение. Из противоречивых черт не складывается целостный образ, и в частности – образ человека. В *Лечебнике*... нет личности. Хотя в его заглавии («Лечебник выдан от русских людей, как лечить иноземцев и их земель людей; зело пристойныя лекарства от различных вещей и дражайших»¹⁶) названы персонажи: *русские люди* и *иноземцы*, мы не узнаем о них ничего, кроме того, что они во всем противоположны друг другу и у иноземцев все не так, как у русских людей. Характеристики сводятся к архетипической оппозиции своего и чужого.

¹³ Там же, с. 122.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 123.

¹⁶ Там же, с. 121.

В пародийных *Рецептах* из журнала Новикова «Трутень» реализованы иные принципы художественной структуры. Личность здесь – центральная тема. *Рецепты* Новикова принадлежат традиции просветительской сатиры, где характер – не только предмет изображения, но и особый жанр, восходящий к античности: его классический образец – *Характеры* Феофраста. Характер как жанр стремится к обобщению, изображая черты не одного, но многих людей. Чаще всего он сатирический, хотя иногда создает и идеализированный образ. Задача этого жанра в литературе Просвещения – дидактическая: сатира смехом изобличает порочных и предостерегает от порока добродетельных¹⁷.

Характер может принимать различные конструктивные формы, сокращаясь до простого перечисления качеств или разворачиваясь в сценку, иллюстрирующую обычный для персонажа тип поведения. Среди реализаций характера как общего жанрового типа нередки пародийные: например, сатирические типажи находят себе место в *Ведомостях* – пародиях на газетные известия, помещенных в том же «Трутне» и в другом журнале Новикова – «Живописец». Одной из пародийных трансформаций характера и становится рецепт. Сам Новиков считает *Рецепты* своей творческой удачей, о чем свидетельствует их последующая перепечатка (под названием *Лечебник*) в составе переизданий журнала «Живописец», куда включены некоторые статьи из «Трутня» – очевидно, по мнению автора, наиболее интересные.

Задача сатирической характеристики обуславливает расширение описательной части рецепта – той, которая соответствует его названию. У Новикова она, как правило, представляет собой развернутое описание сатирического типажа. В отличие от *Лечебника на иноземцев*, где эта часть по объему не выходит за рамки, заданные пародируемым образцом, а основная ее смысловая функция – оттенить следующие далее абсурдные образы, у Новикова она не менее, а может быть, и более важна, чем вторая – собственно рецепт, то есть лечебные рекомендации.

Взаимное расположение частей может быть различным. Некоторые статьи цикла распадаются на два раздела, граница между которыми маркируется заголовком *Рецепт*¹⁸. Иногда граница между частями статьи не маркирована, сатирическая характеристика не отделяется от нравоучения¹⁹. Возможен, наконец, и третий случай: сначала дается ряд сатирических характеристик,

¹⁷ В.Д. Рак, *Теория сатиры в журналах Аддисона и Стиля*, [в:] В.Д. Рак, *Статьи о литературе XVIII века*, Санкт-Петербург 2008; J.W. Draper, *The Theory of the Comic in Eighteenth-Century England*, «The Journal of English and Germanic Philology» 1938, vol. 37, no. 2.

¹⁸ *Трутень, еженедельное издание, на 1769 год*, Санкт-Петербург, с. 178–181, с. 182–184 и др.

¹⁹ Там же, с. 181–182, 187–188, 191–192.

а затем помещены собственно рецепты, то есть рекомендации для каждого из названных персонажей²⁰.

Механистический характер отличает композицию обеих частей *Рецептов* в «Трутне». Не только во второй, но и в первой, описательной, части нередко используется кумулятивный принцип организации текста. Иногда характеристика персонажа представляет собой перечисление его суждений:

Для его превосходительства г. Недоума.

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породю. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирует всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут; а которые сделались дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает ниже имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал (...)²¹.

Иногда перечисляются поступки, которые часто совершает персонаж (важно именно то, что они повторяются, то есть они не случайны, а типичны):

Скудоум (...) таскается по всему городу и влюбляется в таких, с коими обхождение наносит бесчестие. Друзей иметь не может затем, что много если месяц с кем знается, а то тотчас сыщет причину посориться. И, следуя наставлениям одного пооглядевшегося в свете бродяги, пользующегося его малоумием, лазит по голубятням, гоняет голубей, держит петухов, кои бьются между собою, и кормит разного роду мерзких собак²².

Кумулятивный принцип может быть реализован и в пародийных предписаниях «больным», например, в следующем рецепте для того же персонажа – *Скудоума*:

Как все *Скудоумовы* болезни происходят от недостатку разума, то потребно ему принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, нарощие на его мозгу²³.

²⁰ Там же, с. 209–216.

²¹ Там же, с. 178.

²² Там же, с. 201–202.

²³ Там же, с. 202.

Формально те же, что и в *Лечебнике на иноземцев*, заимствованные из пародируемого жанра конструкции – количественно-именные сочетания, обозначающие ингредиенты для лекарства, в «Трутне» приобретают иной смысл. Вместо того чтобы производить впечатление абсурда, они подвергаются метафорическому переосмыслению, выполняя дидактическую функцию.

Но что снимает эффект абсурда, почему аналогичные конструкции осмысливаются в качестве метафор? Ведь семантические отношения между их элементами, в сущности, те же: *здоровое рассуждение* – не в меньшей мере абстракция, чем *тележный скрип*. Причина, вероятно, в том, что метафора, использованная в *Рецептах* Новикова, уже знакома читателю, пусть не по форме, но по сути; ее понимание становится возможным благодаря отсылке к культурной традиции²⁴.

Это одна из базовых концептуальных метафор²⁵, уподобляющая духовное телесному. При этом порок метафорически представляется в качестве болезни, а исправление мыслится как излечение. Метафора порока как болезни исключительно архаична. В философской мысли эпохи Просвещения медицинская метафора занимает важное место²⁶.

Помимо пародийного перечисления ингредиентов, медицинская метафора принимает в «Трутне» и другие формы. Например, в рецепте *Для его превосходительства г. Недоума* (первом по счету в цикле) «больному» рекомендуется «довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия»²⁷. Упоминание о прививке как медицинском средстве вызвано, очевидно, историческим контекстом. Известный эпизод, когда Т. Димсдейл привил оспу Екатерине II и наследнику престола Павлу Петровичу, произошел менее чем за год до публикации этой статьи в журнале Новикова – в октябре 1768 г.²⁸ (пародийный же рецепт помещен в 23 номере «Трутня» за 29 сентября 1769 г.); вслед за ними прививки были сделаны многим придворным, а также воспитанникам училища при Академии художеств и воспитанницам Общества благородных девиц, об этом сообщалось в газетах²⁹.

²⁴ О роли общепринятых представлений в понимании метафоры см.: М. Блэк, *Метафора*, Перевод с английского М.А. Дмитриевской, [в:] *Теория метафоры: Сборник*. Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной, Москва 1990, с. 162 сл.

²⁵ См.: Дж. Лакофф, М. Джонсон, *Метафоры, которыми мы живем*. Пер. с англ. Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова, Москва 2004.

²⁶ Р. Gay, *The Enlightenment: An Interpretation, vol. 2: The Science of Freedom*, New York 1969, p. 16.

²⁷ *Трутьень...*, с. 180.

²⁸ С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. 6, т. 26–29, 3 е изд., Санкт-Петербург [1911], стб. 553–556.

²⁹ А.М. Чеботарев, *К вопросу о датировке изготовления печатных информационно-рекламных материалов по оспопрививанию в период правления Екатерины II*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2008, № 15, с. 25–26.

Впрочем, очень часто советы Новикова в цикле *Рецепты* не носят метафорического характера, как следующий, для сплетницы «госпожи *Непоседовой*»: «Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономией»³⁰. В одном ряду с метафорически переосмысленной абстракцией может быть названа аллегория: например, «г. *Самолюбу*», тщеславному поэту, предписано принимать лекарство, включающее «24 зол. благоразумия, 48 лот. знания» и т. п., но в то же время «воды из Иппокренова источника 3 фун.»³¹. Далее ему же рекомендуется и магическое средство – «волшебное зеркало, которое показывать будет достоинства хулимого им стихотворца и собственные его недостатки»³². Место метафоры может занимать традиционный символ, как в рецепте для *Безрассуда*, одержимого дворянской спесью и презирающего крестьян: «*Безрассуд* должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покада найдет он различие между господином и крестьянином»³³. Здесь актуализируется образность «пляски смерти», где мотив равенства бедных и богатых как смертных символически выражается в изображениях костей, скелетов и т. п.³⁴, усвоенная и масонской традицией³⁵.

Несмотря на различие семантической структуры, пародийные *Рецепты* Новикова отличает общее свойство – простота конструкции. Это свойство общее с *Лечебником на иноземцев*, что естественно, поскольку оно возводится к пародируемому образцу. Однако в *Рецептах* из «Трутня» оно выполняет иные художественные функции. Если в *Лечебнике на иноземцев* композиционная простота оттеняет семантическую противоречивость текста, то у Новикова ясность структуры подчеркивает другую важную черту пародируемого жанра – его прагматическую ориентацию и операциональный характер. Разделение задачи на ряд простых действий помогает представить ее разрешимой и, может быть, даже простой. *Рецепты* «Трутня» изображают победу над пороком как дело не только возможное, но и нетрудное если не для выполнения, то по крайней мере для понимания. Они предлагают ряд шагов, суть которых ясна; выполнив советы, порочный должен исправиться. Так выражается просветительский оптимизм, убежденность в силе воспитания.

³⁰ *Трутень*..., с. 214.

³¹ Там же, с. 183.

³² Там же.

³³ Там же, с. 191.

³⁴ Й. Хейзинга, *Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*. Пер. с нидерландского Д.В. Сильвестрова. 3-е изд., испр., Москва 2002, с. 172–179.

³⁵ Т.О. Соколовская, *Обрядность вольных каменщиков, [в:] Масонство в его прошлом и настоящем*, т. 2, Москва 1991 (репринт изд. 1915), с. 88.

Традиции Новикова продолжает Страхов в журнале «Сатирический вестник». Ю.В. Стенник указывает на связь базовой для журнала Страхова формы пародии на газеты с пародийными *Ведомостями*, помещенными Новиковым в журналах «Трутень» и «Живописец»³⁶. Если у Новикова пародийные *Ведомости* – лишь одна из многих статей, различных в жанровом отношении, то у Страхова эта форма охватывает весь текст журнала, в то же время выступая в качестве рамки, позволяющей вводить другие жанры, в том числе пародийные. Одним из них становится рецепт.

Жанр пародийного рецепта получает в «Сатирическом вестнике» новое развитие. Он представлен в журнале Страхова двумя циклами: «Изъятие из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств»³⁷ и «Извлечение из модной энциклопедии предписаний по нововыдуманному способу удобно, скоро и вовсе не учась сочинять разного рода творения»³⁸. Входящие в них рецепты можно условно разделить на три основных семантических типа, из которых первый близок к рецептам «Трутня», а следующие два реализуют иную художественную концепцию. В первом цикле представлены все три типа, во втором – только один.

Первый тип – статьи моралистического содержания, которые, как и *Рецепты* Новикова, реализуют метафору порока как болезни. Здесь порок – предмет сатиры, а советы, которые в них даются, в иносказательной форме указывают путь исправления. Таковы четыре рецепта, открывающие первый цикл: «Лекарство от лихоимства», «Лекарство от сильной склонности к насмешкам», «Лекарство для одержимых любовью» (имеется в виду не искреннее чувство, которое в литературе XVIII века, как правило, оценивается положительно, а присущая щеголям склонность к волокитству, ветренность – одна из распространенных в просветительской сатире тем), «Диета для проигравшихся». Как и в *Рецептах* из «Трутня», в названных статьях подробно разработаны не только пародийные рекомендации, но и характеристики «болезней» – пороков, причем и в этих характеристиках связь с пародируемым жанром поддерживается с помощью использования обычных в медицинской литературе XVIII века слов и выражений. Страхов вводит в текст различные лексические элементы медицинского дискурса, уделяя этому аспекту поэтики едва

³⁶ Ю.В. Стенник, *Русская сатира XVIII века*, Ленинград 1985, с. 266–269.

³⁷ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник, удобопособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девишек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, неизвестным сочинителем*, ч. 2, Москва 1790, с. 100–112.

³⁸ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 7, Москва 1791, с. 62–74. Здесь и далее выделение полужирным шрифтом мое – Л.Т.

ли не больше внимания, чем Новиков. Вот некоторые примеры (фрагменты из «Сатирического вестника» – в левом столбце, из книг по медицине – в правом).

Склонность ко взяткам есть столь опаснейшая **болезнь**, что когда оную вскоре не **захватят**, то человек рано или поздно погибает³⁹.

Инфляммацию корыстолюбия весьма способно **излечивать**, поднося почасту близко к глазам повеления об отрешении от дел за взятки⁴¹.

Склонность к насмешкам, или так называемое шпынство, есть болезнь наиболее **свирепствующая** между молодыми людьми худого воспитания⁴³.

Для **разбития** же сгустившихся **мокрот** дурачества <...> употреблять для маленьких мальчиков весенние розги, а для взрослых стыд и увещание⁴⁵.

Главнейшие признаки любовной болезни **суть**: притупление и ослабление рассудка, томность в глазах, вздорные разговоры, пустые слова, трагические объяснения, элегические выражения, драматические приступы <...>⁴⁷.

<...> сколь важно, чтоб с начала **захватывать** горячие **болезни** <...>⁴⁰.

Для **излечения инфляммации** должно наблюдать следующее⁴².

Прививали также и корь в тех землях, где она очень **свирепствует** <...>⁴⁴.

Лечить сие начинают **разбиванием мокроты** <...>⁴⁶.

Главные признаки воспаления в горле **суть** озноб, жар, горячка, головная боль, красность мочи, трудность и иногда невозможность проглотить что бы то ни было⁴⁸.

³⁹ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 100.

⁴⁰ [С.А.] Тиссот, *Наставление народу в рассуждении его здоровья*. Пер. Н. Озерецковского, Санкт-Петербург 1781, с. 468.

⁴¹ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 101.

⁴² Х. Пекен, *Домашний лечебник или простой способ лечения*. Пер. А. Протасова, Санкт-Петербург 1765, с. 71.

⁴³ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 101–102.

⁴⁴ [С.А.] Тиссот, *Наставление народу ...*, с. 185.

⁴⁵ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 102–103.

⁴⁶ Х. Пекен, *Домашний лечебник ...*, с. 191.

⁴⁷ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 103.

⁴⁸ [С.А.] Тиссот, *Наставление народу...*, с. 89.

В основе статей второго типа лежит ирония: предмет сатиры представляют собой те действия, которые рецепт рекомендует выполнить. В цикле «Изъятие из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств» такая статья одна, пятая по счету – «Лекарство от старости и прочих недостатков девиц». В ней даются советы исправлять недостатки внешности при помощи таких средств, как «8 золотников белил, две табакерки румян, 10 сожженных пробок»⁴⁹. Это парадоксально редкий для пародий на рецепт случай, когда количественно-именные сочетания, указывающие на количество используемого средства, употребляются в буквальном смысле. Используется гипербола: «следует наклеить на всякую морщину по кусочку аглинского пластыря»⁵⁰, а также остранение: «в случае низкорослости употребляется род ходуль, просто называемых каблуками»⁵¹. Общая комическая установка соответствует практике просветительской сатиры, где мода вообще изображается критически и, в частности, осуждается использование косметических средств – по давней, восходящей еще к античности традиции⁵². Эту традицию усваивает сатирическая журналистика⁵³: увлечение косметикой осмеивает, например, Р. Стил в эссе 41 журнала «Зритель»⁵⁴, которое служит основой для двух статей первого русского сатирического журнала – «Всякая Всячина» (вторая из них помещена в его продолжении, выходявшем под заглавием «Барышок Всякой всячины»)⁵⁵. Как и в рецептах первого типа, здесь значима предполагаемая пародируемым жанром простота, однако в ином смысле. Детализация описания лишь подчеркивает контраст между мнимой, искусственной красотой, которая оборачивается своей противоположностью, и действительной, недостижимой подобными средствами. Иронический характер носят и рецепты, составляющие упомянутый выше цикл «Извлечение из модной энциклопедии предписаний...» (см. о них далее).

⁴⁹ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 109.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, с. 110.

⁵² J. Lichtenstein, *Making Up Representation: The Risks of Femininity*, «Representations» 1987, no. 20.

⁵³ J. Merritt, *Originals, Copies, and the Iconography of Femininity in The Spectator*, [in:] *The Spectator: Emerging Discourses*. Ed. by D.J. Newman, Newark 2005, p. 52–55.

⁵⁴ *The Spectator. A new edition with introduction, notes, and index by H. Morley, in 3 vols, vol. 1*, London 1891, p. 155–159.

⁵⁵ «Всякая Всячина», [Санкт-Петербург 1769], с. 237–239; «Барышок Всякой всячины». 1770 года, [Санкт-Петербург], с. 454–455. Источник указан: В.Ф. Солнцев, «Всякая Всячина» и «Спектатор». (*К истории русской сатирической журналистики XVIII века*), «Журнал министерства народного просвещения» 1892, ч. 279, № 1, с. 138, 140; Ю.Д. Левин, *Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века*, [в:] *Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы*, Ленинград 1967, с. 50–51, 92.

Наконец, третий тип рецептов, который представлен тремя статьями, завершающими цикл «Изъятие из нравственного лечебника...», обращается, как и первый, к метафоре, однако с иным соотношением вовлеченных в процесс образования метафоры понятий. Тема этих статей – литература (не только художественная: упоминаются также философские и естественнонаучные сочинения). Их заглавия: *Слабительное для ученых людей*, *Рвотное*, *Головной лом утоляющее лекарство* – выступают в роли метафор. В качестве «лечебных средств» названы разнообразные литературные произведения, упоминание которых под такими заголовками означает их низкую оценку. Например, среди составных частей «рвотного» упоминаются «9 похвальных од» и «скупых подносительных писем и длинных предисловий от 20 до 25»⁵⁶.

В отличие от первого цикла рецептов в журнале Страхова, второй – «Извлечение из модной энциклопедии предписаний...» – однороден в семантическом отношении: все его статьи принадлежат к одному и тому же типу. Как и в трех последних рецептах первого цикла, содержание этих статей в основном литературно-критическое: они направлены против слабых, по мнению Страхова, произведений в различных литературных жанрах; осмеянию подвергаются и типы текстов, выходящие за рамки художественной литературы как таковой. В цикл входят, например, такие статьи: *Способ искусно выкрасить сочинение и выпустить оное в свет под именем своего собственного*, *Способ сочинять календари*, *Средство сочинять новую систему* (философскую) и даже *Средство сочинить страстное любовное письмо*.

Отличительная особенность этого цикла – пародирование двух образцов одновременно. Первый образец – жанр рецепта, к которому восходит использование императива «возьми» в начальной части текста, а иногда и количественно-именные сочетания, выступающие в несвойственной им функции, как в статье *Способ сочинить роман*: «Возьми 175 увы, 200 ах, 4 пуда вздохов, 7 ведр слез, от 20 до 30 кинжалов и несколько бутылок яду, которым бы могли опиваться герои сочиняемого романа»⁵⁷. Второй образец – те литературные жанры, которым статьи посвящены. В каждой статье перечисляются шаблонные, уже кажущиеся читателю банальными признаки соответствующего жанра. Вот, например, «Способ сочинить поэму в древнем вкусе»:

Надлежит вырыть из истории звонкое имя. Потом должно выбрать героя, который бы побивал людей целыми тысячами, одною рукою опрокидывал бы городские стены, не горел бы в огне, не тонул в воде и не умирал бы от смертоносных ударов. Но дабы все сие казалось вероятным, то должно его назвать

⁵⁶ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 2, с. 111.

⁵⁷ [Н.И. Страхов], *Сатирический вестник...*, ч. 7, с. 63.

сыном полубога или кое-как причесть роднею Юпитеру или Юноне. По сем надлежит для такового героя избрать чудесной красоты любовницу. Потом надобно обоих их посадить на корабль и произвести на море такую жестокую бурю, которая бы разбила оный вдребезги. Разлуча сих любовников друг от друга на шесть тысяч верст, во время сей разлуки последовавшие с ними приключения можно описать толь чудесно и пространно, что из сего удобно выдет в десяти томах состоящая поэма в древнем вкусе⁵⁸.

В ряд средств пародии включается даже графика. В статье *Способ сочинять календари* в качестве признака пародируемого жанра воспроизводится написание слов через дефис, причем эта особенность отмечена метатекстовыми комментариями:

Например: весенние месяцы надлежит наполнить следующими расстановочными описаниями погоды: дней с ут-ре-нниками ожи-дать надлежит; а потом, перенося искусным образом слова, можно описывать остальное время весны так: обла-чное не-бо и к до-ждю скло-нная погода⁵⁹.

В календарях XVIII века страница делится на колонки, и необходимость записать текст в узком столбце обуславливает частое использование переноса. Признак, в пародируемом жанре функционально мотивированный и сам по себе лишенный значения, в статье «Сатирического вестника» приобретает вторичную функцию: он позволяет актуализировать связь текста с пародируемым образцом. Впрочем, осмеивается не только форма метеорологических указаний в календарях, но и их содержание: поскольку характер погоды зависит от сезона и не может быть предсказан более точно (уровень развития метеорологии в конце XVIII века именно таков), сами эти указания, очевидно, кажутся Страхову бесполезными и потому смешными.

Пародийный эффект в рецептах этого цикла основан на том, что в них Страхов представляет творчество в виде ряда простых шагов, подобно тому как в пародийных рецептах моралистического содержания представляется исправление пороков. То, что в дидактическом контексте должно восприниматься как достоинство, в контексте эстетическом превращается в недостаток. В искусстве, где XVIII век по-прежнему ценит «побежденную трудность» (хотя и культивирует следование правилам и подражание образцам), подобная утрированно-механистическая трактовка творчества, несомненно, означает осуждение, выдавая недостаток таланта и художественного мастерства.

⁵⁸ Там же, с. 67–69.

⁵⁹ Там же, с. 65–66.

Таким образом, продолжая опыт Новикова, Страхов развивает жанр пародийного рецепта в новых направлениях. С одной стороны, в тех рецептах, которые сохраняют содержательную преемственность по отношению к предложенным предшественником образцам, Страхов усиливает собственно пародийный момент с помощью медицинской лексики. С другой стороны, он вводит иные содержательные типы, отличные от *Рецептов* Новикова и по семантическому механизму, и по характеру сатирической установки: наряду с морально-дидактической в его рецептах появляется литературно-критическая тенденция.

Сравнение пародийных рецептов в сатирических журналах эпохи Просвещения с текстом если хронологически и недалеко отстоящим от них, то в стадийном отношении представляющим принципиально иной этап литературной эволюции – *Лечебником на иноземцев* показывает, что реализованные в них семантические модели принципиально различны, даже противоположны. *Лечебник на иноземцев* – пример поэтики абсурда, где эстетическое воздействие вызывается противоречащим привычной картине мира распадом смысловых связей. Рецепты сатирических журналов используют метафору и иронию, чтобы, пройдя через стадию комической неожиданности, возратить читателя к привычным представлениям о мире и преподать ему урок нравственности или литературного вкуса.

Вместе с тем как в *Лечебнике на иноземцев*, так и в рецептах Новикова и Страхова используется одна и та же черта пародируемого жанра: простота, даже шаблонность формы и прагматическая ориентация содержания. Но направления художественной интерпретации этих признаков различны. В *Лечебнике на иноземцев* они образуют контрастный фон, усиливающий ощущение абсурда. В рецептах Новикова и Страхова, имеющих дидактическую направленность, эти черты позволяют на метафорическом уровне передать просветительскую веру в доступность, достижимость морального исправления под действием воспитания. Наконец, в тех из рецептов Страхова, которые реализуют иронический принцип на материале литературы, легкость, мнимая доступность, напротив, обесмысливает идею творчества: простота оборачивается банальностью. Таким образом, *Лечебник на иноземцев*, пародийные рецепты Новикова и Страхова представляют разные типы эстетической трансформации одного и того же жанрового материала.